

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-8-1.6>

Кириллина Мария Афанасьевна

СТИХОВОЕ НАЧАЛО В ДРАМЕ В СТИХАХ И. М. ГОГОЛЕВА "ДОЛИНА КЁРЯЙИ"

В статье рассматриваются особенности стихового начала в драме в стихах И. М. Гоголева "Долина Кёряйи". Изучение драматургии И. Гоголева в аспекте проблемы литературного билингвизма, исследование специфики функционирования эпического стиха в драматургическом тексте представляются в якутском литературоведении достаточно новым и перспективным направлением. В рамках проблемы "драмы поэта" выявляются особенности использования в тексте "Долина Кёряйи" сравнений и метафор, аллитераций, синтаксических параллелизмов, характерных для эпического стиха. Драматургический текст И. Гоголева определяется нами как пограничный текст, переходная форма между стихом и прозой. При этом обращение к эпическому стиху рассматривается как проявление индивидуально-авторского стиля и творческого метода поэта-драматурга, его новаторских жанрово-стилевых поисков.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/8-1/6.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 8(86). Ч. 1. С. 29-33. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/8-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Список источников

1. **Жданов С. С.** Образ Германии в отечественных тревелоггах рубежа XVIII-XIX вв.: природное и человеческое пространства (к постановке проблемы) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 49. С. 168-187.
2. **Жуковская А. В., Мазур Н. Н., Песков А. М.** Немецкие типажи русской беллетристики (конец 1820-х – начало 1840-х гг.) // Новое литературное обозрение. 1998. № 34. С. 37-54.
3. **Лейкин Н. А.** Наши за границей. Юмористическое описание поездки супругов Николая Ивановича и Глафиры Семеновны Ивановых. В Париж и обратно. СПб.: Типография С. Н. Худекова, 1892. 472 с.
4. **Салтыков-Щедрин М. Е.** Повести, рассказы и драматические сочинения Н. А. Лейкина // Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений: в 20-ти т. М.: Художественная литература, 1972. Т. 9. Критика и публицистика (1868-1883). С. 421-425.
5. **Туманов О. Н.** Деятельность русских писателей и публицистов по формированию отношения российского общества к Западной Европе (конец XIX – начало XX века). М.: ЦМИК, 2010. 236 с.
6. **Чавдарова Д. Д.** Путешествие болгарского и русского купцов в Европу в ракурсе национальной идентичности (Алеко Константинов и Николай Лейкин) // Русский тревелог XVIII-XX веков: коллективная монография / под ред. Т. И. Печерской. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2015. С. 355-377.
7. **Lebedeva O. B., Januškevič A. S.** Deutschland im Spiegel der russischen Schriftkultur des 19. und beginnenden 20. Jahrhunderts. Köln – Weimar – Wien: Böhlau Verlag, 2000. 276 S.
8. **Neumann F. W.** Deutschland im russischen Schrifttum // Die Welt der Slaven. 1960. H. 2. S. 113-130.
9. **Time G. A.** Reise als Selbstfindung. Russische geistige Vagabondage "ausserhalb" von Zeit und Raum // Phänomenologie, Geschichte und Anthropologie des Reisens. Kiel: Solivagus, 2015. S. 437-442.
10. **Wirwas U.** Der Knabe in Hosen und der Knabe ohne Hosen. Deutsche und Russen aus der Sicht des Satirikers Michail Saltykov-Šchedrin // Deutsche und Deutschland aus russischer Sicht 19./20. Jahrhundert: von den Reformen Alexanders II bis zum Ersten Weltkrieg / hrsg. von D. Herrmann. München: Wilhelm Fink Verlag, 2006. S. 459-487.

AMBIVALENT IMAGE OF GERMANY IN THE HUMOROUS CYCLE "OURS ABROAD" BY N. A. LEIKIN

Zhdanov Sergei Sergeevich, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Siberian State University of Geosystems and Technologies, Novosibirsk
fstud2008@yandex.ru

The article examines the artistic space of Germany in the series of humorous stories "Ours Abroad" by N. A. Leikin. This chronotope is presented in two ways. One image of Germany is given from the point of view of a neutral narrator. The second one is phantasmagoric Germany, or Nemetchina (German way of life), seen through the eyes of the main characters, the Russian merchant couple of the Ivanovs. The common nucleus of both Germanies is a typical German character as an imagological construct formed within the framework of the XIX-century Russian literature. This includes motives of the purity, orderliness of the German locus, as well as the planned and mechanistic nature of the Germans' life.

Key words and phrases: N. A. Leikin; Germany; German character; character type; imagology; humor; artistic space; Russian literature of the XIX century.

УДК 8-82

Дата поступления рукописи: 03.05.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-8-1.6>

В статье рассматриваются особенности стихового начала в драме в стихах И. М. Гоголева «Долина Кёрьяйи». Изучение драматургии И. М. Гоголева в аспекте проблемы литературного билингвизма, исследование специфики функционирования эпического стиха в драматургическом тексте представляются в якутском литературоведении достаточно новым и перспективным направлением. В рамках проблемы «драмы поэта» выявляются особенности использования в тексте «Долина Кёрьяйи» сравнений и метафор, аллитераций, синтаксических параллелизмов, характерных для эпического стиха. Драматургический текст И. М. Гоголева определяется нами как пограничный текст, переходная форма между стихом и прозой. При этом обращение к эпическому стиху рассматривается как проявление индивидуально-авторского стиля и творческого метода поэта-драматурга, его новаторских жанрово-стилевых поисков.

Ключевые слова и фразы: якутская драматургия; литературный билингвизм; драма поэта; драма в стихах; эпический стих; мифопоэтика; И. М. Гоголев.

Кириллина Мария Афанасьевна, к. филол. н.

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера
Сибирского отделения Российской академии наук, г. Якутск
makirillina@mail.ru

СТИХОВОЕ НАЧАЛО В ДРАМЕ В СТИХАХ И. М. ГОГОЛЕВА «ДОЛИНА КЁРЯЙИ»

Творчество народного писателя Якутии, поэта, прозаика и драматурга Ивана Михайловича Гоголева (Кындыла) (1930-1998) представляется интересным в аспекте проблемы литературного билингвизма. Несмотря

на то, что Иван Гоголев является одним из немногих писателей-литературных билингвов в якутской литературе, все же в большей степени остается поэтом. В 1940 г. состоялся его поэтический дебют, первые драматические произведения автора созданы в 1960-е гг., роман-трилогия «Черный стерх» написана в 1977-1987 гг. Особую научную значимость в данном контексте имеют пограничные тексты автора: роман в стихах, циклические поэмы, драматические поэмы, многочисленные драмы и трагедии в стихах.

Драматургия И. Гоголева в первую очередь уникальна с точки зрения «пограничности», что позволяет определять ее как «поэтическую драматургию», «драматургию поэта». Тексты И. Гоголева, являющие собой синтез стиха и драмы: трагедии в стихах «Трехглавый орел», «Судьба-рок», «Дыхание железного века», драмы в стихах «Долина Кёряйи», «Священный удел», – утвердили совершенно новое направление в якутской драматургии. Данные тексты в аспекте проблемы «поэтической драматургии» не становились объектом специальных исследований, что позволяет считать выбранный нами ракурс исследования актуальным и достаточно новым в якутском литературоведении.

Понятия «поэтическая драма», «поэтический театр» в российском историко-культурном контексте тесно связаны с драматургией Серебряного века, а именно с творчеством Иннокентия Анненского, Александра Блока, Марины Цветаевой, Николая Гумилева. Важно заметить, что лучшие образцы мировой драматургии, начиная с античности, эпохи возрождения создавались в поэтической, стихотворной форме. Впервые вопрос о «театре поэта» как целостном явлении был поставлен Д. И. Золотницким в его статье о драматургии Н. Гумилева [5]. Изучению поэтики стихотворной драмы Серебряного века посвящена диссертация Т. О. Власовой [2], драматургия поэтов Серебряного века как феномен рассматривается в исследованиях Т. И. Акимовой [1], Д. Д. Кумуковой [6] и др. В качестве характерных признаков поэтической драмы исследователи отмечают особый тип художественного мышления поэтов-драматургов, склонный к обобщениям и метафоризации. Тем не менее, феномен драмы в стихах, имеющий свои специфические законы, стилистику и поэтику, в настоящее время исследован недостаточно.

В якутской литературе драма в стихах как синтетический жанр имеет свои особенности. Становление якутской поэтической драмы относится к 20-м гг. XX в. и связано, прежде всего, с творчеством П. А. Ойунского (1893-1939), его знаменитой драмой в стихах «Красный шаман» (1917-1925). Важно заметить, что жанровая дефиниция «олонхо-тойук», данная самим автором, позволяет стиховедам определять этот текст как драматическую поэму. Между тем проблема жанрового определения текста «Красный шаман» П. Ойунского остается до сих пор открытой, дискуссионной и требует специального анализа.

Своеобразие якутской поэтической драмы заключается в том, что она основана на эпическом (фольклорном) стихе. На данный момент особенности эпического, фольклорного стиха исследованы стиховедом М. Н. Дьячковой, которая к основным признакам фольклорного (эпического) стиха относит: метрическую неурегулированность и неоднородность стихотворного текста, синтаксический параллелизм, канонизированную, формульную организацию текста, «полиметричность» композиции, сочетающую верлибр и силлабизацию, использование аллитерации, совпадение окончаний строк в виде фонеморфологических рифм, тирадное композиционное построение текста и удлиненный эпический характер текста, его астрофичность, архаизированность стиля [4, с. 46-47].

Драма в стихах «Долина Кёряйи» («Киэн Күөрээйи») представляет собой один из многочисленных вариантов трагедии в стихах «Утро Туймаады». Удивительна и трагична судьба этой пьесы, которая в оригинале, в том варианте, в котором представил ее автор, ставилась на сцене всего лишь один раз – в 1968 году. После премьеры спектакль оказался под запретом. Кроме того, первоначальный вариант пьесы в архивном фонде писателя не обнаружен. Как известно, «Утро Туймаады» имеет около десяти вариантов, пять из которых представляют собой отдельные полноценные тексты с разными названиями и жанровыми обозначениями («Серебряное стремя», «Утро Лены», «Тыгын», «Великая Туймаада», «Долина Кёряйи»). Один из вариантов пьесы – драма в стихах «Серебряное стремя» – был опубликован в 1974 году. Но, как отмечают исследователи, наиболее близкой к первоначальному варианту является драма в стихах «Долина Кёряйи», изданная в 2015 году [8]. В связи с тем, что текстологический анализ вариантов является темой специального научного исследования, в рамках данной статьи проблема вариаций нами не ставится. Следует оговориться, что вариативность в творчестве И. Гоголева – это своеобразие индивидуально-авторского стиля и метода, особого мировидения и мироощущения писателя.

Выбор жанра драмы в стихах сам автор определяет следующим образом: «Свое новое произведение я написал стихами для того, чтобы показать богатство якутского языка, его разноцветные краски...» [Цит. по: 7, с. 274-275]. Языковые особенности драматургических текстов поэта отмечает Н. Тобуроков, подчеркивая особый интонационно-стилевой характер, необычную образность и сценическую речь: «Речь его героев внесла на сцену совершенно новый стиль, особую интонацию. Если до этого мы со сцены слушали в основном разговорную, бытовую речь, то персонажи драм И. Гоголева начали высказываться образно и метафорически, с глубоким смыслом» [9, с. 155].

Как отмечает М. Н. Дьячковская, И. Гоголев в 70-е гг. ввел в свою поэзию «модифицированную форму фольклорного предверлибра» в поэмах-циклах «Письмена на бивне мамонта» и «Песнь о Лене»: «Этот вид свободного стиха в поэзии И. Гоголева стал новаторским явлением в якутской поэзии, знаменовавшим собой новые поиски в области ритма и обращения к “освобожденным” формам стиха» [4, с. 48]. Именно к этому периоду и относится создание трагедии в стихах «Утро Туймаады» и ее вариантов – живой легенды национального театра и драмы.

В драме в стихах «Долина Кёряйи» (Кёряйи – старинное название долины Туймаада) изображается один из важнейших и знаменательных этапов в истории якутского народа – историческая эпоха Тыгына, легендарной личности конца XVI – первой трети XVII в. Творческое переосмысление сюжетно-образной системы, поэтики мифа и фольклора обусловлено особенностями творческого метода писателя. Важно заметить, что к образу Тыгына и его сына Таас Уллунгах поэт обращается в поэме-цикле «Песнь о Лене» (1973). Драма отличается полисюжетностью и поликонфликтностью, где основной конфликт реализуется на противостоянии Тыгына (предводителя кангаласского племени якутов) и Легёя (предводителя борогонцев). Вторая сюжетная линия раскрывает взаимоотношения Тыгына и его младшего сына Таас Уллунгах (Каменная Стопа).

Реконструкция исторического времени «кыргыз үйэтэ» (век войн) определила особенности стиховой организации драматургического текста. Текст «Долины Кёряйи» очень близок к поэзии Гоголева 70-х гг., что позволяет говорить о стиле и творческом методе поэта-драматурга в целом. В пьесе «Долина Кёряйи» ведущими приемами организации текста становятся особенности ритмико-метрической структуры, художественно-изобразительные средства, специфический синтаксис, высокий стиль, характерные для эпического стиха. Эпический (фольклорный) стих в данном случае, можно сказать, обусловлен историческим сюжетом, который во многом и объясняет, и усложняет «драматургию стиха». Прежде всего, обращает на себя внимание метрическая неурегулированность и неоднородность стихотворного текста, слоговой объем которого колеблется от 6 до 13-16 слогов в строке.

Текст насыщен эпитетами и сравнениями, характерными для эпического стиха: *Улар көтөр саба / Умса түспэт түөрэхтээх, / Хааннаах энэ тириитэ олбохтоох / Хаан чабаан Тыгын Дархан* [3, с. 69]! / досл. *Неопрокидывающуюся чашу счастья / Размером с птицу-глухарь имеющий, / Сидящий на окровавленной шкуре медведя / Суровый Тыгын Дархан!* (здесь и далее перевод автора статьи. – М. К.).

Как видно из примера, как и в эпосе олонхо, в сравнениях часто выступают образы птиц и животных. Особой образностью отличается речь Тыгына, в которой используются неожиданные и яркие сравнения. Например: *Сизгиттэн көнгөөбүт бөрөлүү миэхэ / Арабас аһыларын килэтэллэр, / Борофон ааттааба саһыл албын Лөгөй, / Хабарбабар түһээри, сизгэн курдук / Сихин токурутан бэлэм олорор* [Там же, с. 71]! / *Словно волк, не желающий делиться добычей, на меня / скалят пожелтевшие клыки / Знаменитый из борогонцев, хитрый, как лиса, Легёй, / Желяя наброситься на моё горло, как росамаха, / Сидит готовый, выгибая спину!*

Или: *Баттабым бары сүүмэбэ, / Сыгыга сыһа үктэтэн / Сирдыгинэбит эриэн үөннүү, / Адаарычы туран хаалбыта* [Там же, с. 68]. / *Каждая прядь волос моих / Вздыбилась, / Словно змея, увернувшись от конских копыт, / извивалась.*

В словах Тыгына гора Чочур Мыраан уподобляется громадному быку: *Модун муоһун баарабай тишккэ / Ыаһы турар сүүлбүт лөкөйдүү / Үллэн көстөр бу Чочур Мыраанна* [Там же, с. 67]. / досл. *Словно громадный бык, точащий / Свои крепкие рога об огромную листовенницу, / Видна Гора Чочур Мыраан.*

Подобные сравнения придают тексту не только воинственный, маскулинный характер, связанный с идейно-эстетической концепцией пьесы, но и особый национальный колорит, демонстрирующий своеобразие национального мироощущения. Так, местность Туймаада сравнивается с хищной рысью, а якутский народ – с крупинками снега:

*Удуу киирэр кыыл табаны манаан
Сизмэх бэдэрдии кирийэн сытар
Туймаадаттан тарбанан үөскээбит сахалар,
Суодал хайа сырайыттан суулан түспүт
Халын хаар сэмнэбинии, онно-манна
Бураллан, симэлийэн эрэбит* [Там же, с. 68]. /

Словно хищный рысь, поджидающий / Дикого оленя, идущего на водопой, / Туймаада, откуда распространились якуты, / Подобно тому, как крупинки снежного обвала, / скатившегося с высоченной горы, повсюду / Разбросанные исчезаем мы. Здесь мы видим развернутое двухступенчатое сравнение со сложной конструкцией. При этом действие (распад племен якутов) уподобляется необычному образу – крупинкам снежного обвала, скатившегося с высоченной горы.

В тексте особую роль занимает метафоризация. Как и в случае с сравнениями, метафоры придают образу Тыгына особую глубину и надменность. Например, про суровость и мрачность своего внешнего вида и своих воинов он высказывается так: *Сытыы бии сынтарыйар хаан чабаан / Сэбэрэлээх дьоннор буолуохпунт* [Там же, с. 76]. / досл. *Острые лезвия тупятся об наши суровые лица.* Или: *Ол үөгүм ойун дуораана / Суорустут суо мырааннар кэтэхтэринэн / Сүүһүн ортотунан туоһахталаах / Суор хара атыыр орус буолан / Түллэ-түллэ лүгкүнэччи айаатаабыта* [Там же, с. 69]. / *Эхо моего крика / Из глубины гор / Превратившись в вороного быка / Глухим ревом доносилось, вздымалось.*

Метафоры в сочетании с усложненной лексикой создают в тексте многозначность смыслов и особую напряженность: *Кыһыл кун кугас энэ буолан / Кыһар былыкка быардыы сытан / Анабаһын саратан, аһытын килэтэн / Амырыннык ырдыгыныыр эбээт* [Там же, с. 82]! / *Красное солнце, превратившись в бурого медведя, / На алом облаке навалившись, / оскалив клыки, / свирепо ворчит ведь!* Драматургический текст, как видно из приведенных отрывков, требует перечитывания, углубления в подтекст.

В драме противостояние Тыгына и Легёя раскрывается в диалоге, наиболее полно выявляя психологический портрет героев. Дальновидна и спокойна речь Тыгына в беседе с противником о примирении: *Сүбэбин холбоон, Өлүөнэ эбэли, / Биир сүрүн үөстээх буоларбыт буоллар* [Там же, с. 85]. / *Объединившись мы*

с тобой, словно Лена-река, / имели бы единое русло... Особый смысл при этом имеет образ реки Лены, являющийся основным архетипическим образом в творчестве автора.

Многозначителен и тверд ответ Легёя: *Улуу өрүс хас да үөстээх* [Там же]. / *Великая река имеет несколько русл.* Не менее категоричны слова Тыгына: *Мэнэ халлаанна икки күн сандаарбат.* / *Мин тойон ууһун удьуора буолабын* [Там же, с. 91]. / *На небе два солнца не светят.* / *Я – потомок господ.*

Свое желание и цель объединить якутские племена Тыгын выражает в аллегорической форме, обращаясь также к образу реки:

*Үргүбүт бүүчээнниһи үрэллэ сырсар
Үрүйэлэр үөгүлэхэ мунньустаннар
Сир ийэ кэтит сиксигин сайыбыр
Сүүнэ өрүс буолаллар эбээт.*

Быданан сылдыар сахалар

Биир сомоҕо буолан хаалларбыт [Там же, с. 70]... /

Словно разбежавшиеся кабарга, / ручейки, соединившись бурно, / перетекают в огромную реку, / омывающую широкую гладь земли. / Якуты, живущие врозь, / стали бы единой силой...

Как видно из примера, в тексте отмечается использование различных видов аллитерации (строфической и горизонтальной). Например, в речи Таас Уллунгах контрастность аллитерированных звуков *ха* и *и* усиливают внутренний конфликт, происходящий в сознании Таас Уллунгах, которого терзают глубокие сомнения в момент важного жизненного выбора:

Хайдах буолабын? Хайыах мунмунуй?

Хара кулунчук буолан

Хангыл атыырдыын сырсабын дуу?

Иһирэхтик ингэрсийэр

Ийэ бизни батыһабын дуу [Там же, с. 97]?! / *Как быть? Что делать? / Черным жеребенком обернувшись, / погнаться за необъезженным жеребцом? / иль следовать за кобылой с тихим, нежным ржанием?!* Здесь речь идет о том, следовать ли самому мудрому и достойному из сыновей Тыгына наставлениям сурового и воинственного отца или советам матери, олицетворяющей мир и спокойствие.

В тексте также выявлены синтаксические параллелизмы, являющиеся основой ритмической организации эпического стиха. Например: *Сир ийэ эргичийэр киһинэбин диэн / Сэттээхтик сананар, / Улуу халлаан суон өһүтэбин диэн / Улаханник туттунар* [Там же, с. 152]. / *Грешно мыслит, / Считая себя центром матери-земли, / Горделиво думает, / Считая себя надежной защитой великого неба.*

В словах младшей дочери Тыгына, воинственной Хаачылаан, посвященных мужу, раскрывается совершенно иное «я» героя – образ послушной, смиренной жены: *Эн тон күөһүнүн / Сылаас түөспүнэн ириэрэ сатыам, / Эн хаһыгнаах тыынгын / Аламабай тылбынан сылыта сатыам* [Там же, с. 134]... / *Твою холодную грудь / Постараюсь согреть своим теплом, / Твоё мерзлое дыхание / Постараюсь согреть ласковым словом своим...*

Включение в текст архаических слов и выражений, не имеющих эквивалента в других языках, придает особую смысловую нагрузку. Это касается прежде всего лексики, относящейся к этнографическим реалиям.

Таким образом, драма в стихах «Долина Кёрайи» И. М. Гоголева представляет собой переходную форму между стихом и прозой. Текст усложняется не только органическим синтезом одновременно трех видов литературы: поэзии, прозы и драмы, – но и спецификой эпического (фольклорного) стиха, определяющего индивидуально-авторский стиль и творческий метод поэта-драматурга. Анализ текста драмы в стихах позволяет утверждать, что, несмотря на стремление к синтезу, приоритетной для автора оставалась поэзия. Пьесы И. Гоголева, вслед за творчеством П. Ойунского, открыли в якутской драматургии новую сюжетно-образную систему, новый язык, соединяющий в себе эпический стих и драматургию. Перспективным в данном ракурсе представляется изучение других пограничных текстов автора, соединяющих стих и драму.

Список источников

1. **Акимова Т. И.** Драматургия Н. С. Гумилева в контексте культуры Серебряного века: дисс. ...к. филол. н. Саранск, 2003. 180 с.
2. **Власова Т. О.** Поэтика стихотворной драмы Серебряного века: дисс. ... к. филол. н. М., 2010. 209 с.
3. **Гоголев И. М. (Кындыл)** Айымньылар: в 5-ти т. / хомуйан онордо М. Ушницкая. Дьокуускай: Бичик, 2015. Т. 5. Драмалар. 224 с.
4. **Дьячковская М. Н.** Избранные работы: вопросы якутского стихосложения. Якутск: ИГиИПМНС СО РАН, 2015. 262 с.
5. **Золотницкий Д. И.** Театр поэта // Гумилев Н. С. Драматические произведения. Переводы. Статьи / сост. Д. И. Золотницкий. Л.: Искусство, 1990. С. 3-38.
6. **Кумукова Д. Д.** Театр М. И. Цветаевой, или «Тысяча первое объяснение в любви Казанове» (поэтическая драма в эпоху «синтеза искусств»). М.: Совпадение, 2007. 279 с.
7. **Потапов Ф. Ф.** Ахтылҕан // Күн хайатын сарыала. Дьокуускай, 1999. С. 268-279.
8. **Сергеева М. И.** Иван Гоголев «Туймаада сарсыардата» трагедията сурулуутун историята (варианнары текстологической ырытыы) // Проблемы творчества И. М. Гоголева: проза, поэзия, драматургия. Якутск: ИГИ АН РС (Я), 2004. С. 156-177.
9. **Тобуроков Н. Н.** Иван Гоголев драматургията // Проблемы творчества И. М. Гоголева: проза, поэзия, драматургия. Якутск: ИГИ АН РС (Я), 2004. С. 133-156.
10. **Якобсон Р. О.** Заметки о прозе Пастернака // Якобсон Р. Работы по поэтике. М.: Прогресс, 1987. С. 324-338.

VERSE ELEMENT IN THE POETICAL DRAMA "KERYAII VALLEY" BY I. M. GOGOLEV

Kirillina Mariya Afanas'evna, Ph. D. in Philology
*The Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Yakutsk
makirillina@mail.ru*

The article examines the peculiarities of the verse element in the poetical drama "Keryaii Valley" by I. M. Gogolev. Studying I. M. Gogolev's dramaturgy in the aspect of the literary bilingualism problem, analyzing the specificity of the epic verse functioning in the dramaturgic text is a relatively new and promising trend of Yakut literary criticism. Within the framework of the "poet's drama" problem the paper identifies the peculiarities of the dramaturgic usage of comparisons and metaphors, alliterations, syntactic parallelisms typical of the epic verse. I. M. Gogolev's dramaturgic text is considered as a marginal text, transitional form between poetry and prose. An appeal to the epic verse is interpreted as a manifestation of the author's individual style and the poet-dramatist's creative manner, his innovative genre and style approaches.

Key words and phrases: Yakut dramaturgy; literary bilingualism; poet's drama; poetical drama; epic verse; mytho-poetics; I. M. Gogolev.

УДК 82-1/29; 398.224

Дата поступления рукописи: 19.04.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-8-1.7>

В данной статье рассматриваются малоизученные материалы по олонхо С. И. Боло и А. А. Саввина, собранные во время Вилюйской экспедиции в 1938 г. Впервые в сравнительном аспекте дана оценка уровню подготовки собирателей, их принципов и методов фиксации фольклора, состоянию архивных рукописей. Обнаружено, что записи отличаются выборкой образцовых текстов олонхо, более точной передачей устной речи, подробной паспортизацией и комментированием слов. Архивные материалы находятся в неудовлетворительном состоянии, необходимо проводить срочные реставрационные работы. С. И. Боло уделял внимание историческим преданиям о предках, а А. А. Саввин интересовался поэтической стороной фольклора и собрал много материалов по якутскому героическому эпосу. Организованная ими сеть корреспондентов снабжала архив института ценными фольклорными материалами. Вилюйская экспедиция послужила хорошей базой для дальнейшей собирательской деятельности С. И. Боло и А. А. Саввина в северных районах Якутии.

Ключевые слова и фразы: фольклор; олонхо; Вилюйская экспедиция; Андрей Андреевич Саввин; Сэсэн Иванович Боло; методы фиксации; принципы собирания; эпос; фольклорный материал; корреспондентская сеть; рукописи; вилюйская локальная традиция.

Кузьмина Айталиня Ахметовна, к. филол. н.

*Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера
Сибирского отделения Российской академии наук, г. Якутск
aitasakha@mail.ru*

ВИЛЮЙСКАЯ ФОЛЬКЛОРНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ 1938 ГОДА: МАТЕРИАЛЫ ПО ЯКУТСКОМУ ГЕРОИЧЕСКОМУ ЭПОСУ ОЛОНХО

Первые представители якутской интеллигенции внесли большой вклад в сбор материалов и изучение фольклора и этнографии родного народа. Среди них особо отличились А. Е. Кулаковский, Г. В. Ксенофонтов, С. И. Боло, А. А. Саввин и др. В 1920-1930-х гг. они начали собирать материалы по происхождению якутов, по шаманизму и фольклору. К сожалению, им не удалось полностью реализовать научные планы – сталинские репрессии, предвзятое отношение к традиционной культуре помешали исследовать и публиковать материалы. Оценка и увековечивание их имен и научного наследия являются священным долгом нынешних ученых-якутоведов.

80 лет тому назад, в 1938 г., была проведена Вилюйская фольклорная экспедиция (ВФЭ) Научно-исследовательского института языка и культуры при Совнаркоме Якутской АССР (ныне Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения РАН), которая впервые существенно пополнила архивный фонд нашего института фольклорными, языковыми и этнографическими материалами.

Целью ВФЭ были «сбор материалов устного народного творчества, материалов по верованию и говору отдельных местностей, организация учета по охране памятников старины, учета сказителей и их песенно-былинного репертуара», а также «организация корреспондентской сети для постоянного сбора на местах фольклорного материала» [17, ед. хр. 270, л. 2]. С. И. Боло и А. А. Саввин за шесть месяцев посетили пять районов (Кобяйский, Вилюйский, Верхневилюйский, Нюрбинский, Сунтарский). У каждого из них был свой маршрут, свой стиль работы, свои предпочтения в жанрах фольклора. По отчету С. И. Боло собрал следующие материалы (по его классификации): 1) художественный фольклор (одна «былина-олонхо», сказки, цикл